

КНИГИ

Культура. — 1995. — 21 янв. — С. 2.

«И ВОТ Я ЖИВУ...»

Об этой книге хочется писать просто. Повинуясь ее собственному тону, владающему в «немыслимую простоту».

Обладают книгой лишь тысячи счастливиц. Большого тиража издательство РАТИ (тогда еще ГИТИСа) не осилило. Но и за эту тысячу ему тысячу раз спасибо. И отдельная благодарность за то, что не «отредактировали», не расцвелили, не отшлифовали текст, сохранили звучание оригинала, звучание знакомого голоса. Ведь книга воспоминаний «По долгу памяти» Софьей Станиславовной Пилявской написана, проговорена, прожита без поддержки чьей-либо, пусть профессиональной, но посторонней руки. Ей предпослано пространное, вдумчивое предисловие, принадлежащее доктору философии А. Зисю.

С. Пилявская написала настолько не «шумную», не скандальную, не эпатажную книгу, что уже благодаря этому ее невозможно не выде-

лить и не запомнить. Любая мемуаристика в определенной степени является «учебным пособием». История МХАТа, рассказанная одной из его старейшин, история страны, отразившаяся в судьбе дочери крупного революционера, а затем — врага народа... Однако, на мой взгляд, книга С. Пилявской — это прежде всего уникальный курс такта, душевного благородства и хороших манер, преподанный рафинированной польской аристократкой, и, что еще более ценно, много выстрадавшей, стойкой и мудрой женщиной. К «простоте», с которой написана книга, она шла целую жизнь.

В книге «несовременно» буквально все — начиная с названия. В заголовок не вынесены ни собственное имя, ни личное местоимение. Выходит, кого-то не только учили, но и научили любить не себя в искусстве... Как переплетены в повествовании сюжеты театральные и жизненные, так едины, торже-

ственны для автора этика профессиональная и человеческая. У книги опять-таки предельно «простой», заимствованный у М. А. Булгакова эпиграф: «Что видишь, то и пиши, а что не видишь — писать не следует». За ним — ответственность за каждое слово, по этому камертону искренности настроена вся книга. Соображения этического характера угадываются и в некоторой недоговоренности, отличающей отдельные ее фрагменты. Соблазн разоблачительства всех и вся не толкал автора под руку, не коснулся этих страниц, — вот еще одно вопиющее проявление неконъюнктурности.

В книге, по признанию актрисы, «много грустного и даже тяжелого», но не прорываются в ней былые обиды, запоздалое недовольство, досада, желчный сарказм. Перед нами трагическая судьба необыкновенно счастливого человека. И этот мудрый парадокс — главная загадка книги

и жизни С. Пилявской. Цепь утрат, составляющая фабулу рассказа, приводит читателя не в угнетенное, но в возвышенное состояние духа. Много трагичного, но ничего случайного. Подобное осмысление жизни и есть, наверное, величайшая мудрость. Главная благодарность — судьбе и Богу — за все, что было.

А еще — хорошее чувство юмора, изящная ирония: поделкатнее — к другим, покрепче, побезжалостней — к себе...

В прошлое, запечатленное Софьей Станиславовной Пилявской, порой страшно, но никогда не стыдно заглянуть. И, значит, умнее любого рецензирования было бы простое слово признательности. Спасибо Вам за то, что Вы живете, и жизнью своей подтверждаете возможность «прямого пути» в любые времена.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Пилявская Софья Станиславовна

21.1.95